

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЖУРНАЛ *GEOPOLITICA* О ГРАНИЦАХ И ФРОНТИРАХ

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛЕНКО

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Резюме

Анализ публикаций журнала *Geopolitica*, объединённых темой «Границы и фронтиры», позволил оценить состояние геополитических исследований в Италии, их соотносённость с классической геополитикой и зарубежными подходами, а также их актуальность применительно к мировым процессам. Материалы номера показывают, что возрождение итальянской геополитики опирается на современное прочтение классических идей с привлечением методологического инструментария социальных и гуманитарных наук. Используемый теоретико-методологический репертуар включает классическую и критическую геополитику, геостратегический анализ, неогеографию и экзогеографию, количественные и цифровые методы, политико-правовой институционализм, историческую социологию и нормативно-политические теории. Отдельно прослеживается прикладное измерение дисциплины: геополитическая аналитика востребована в контексте обсуждения национальных политических и военных стратегий. Традиционная для геополитики проблематика границ и фронтиров получает новое прочтение в связи с изменением пространственных практик и режимов управления. В частности, цифровизация стимулирует пересмотр пространственного воображения и формирует предметное поле неогеографии.

Ключевые слова:

Журнал *Geopolitica*; Тиберио Грациани; геополитика; границы; фронтиры

Геополитические исследования в Италии

Формирование и расцвет геополитической школы в Италии пришлось на 1920–1940-е годы, когда геополитики участвовали в обосновании экспансионистских планов фашистского режима. После длительной послевоенной паузы возрождение итальянской геополитики обозначилось запуском в 1978 г. журнала *Hérodote: Italia*, переименованный в 1982 г. в *Erodoto*. Он представлял собой итальянскую версию французского издания Ива Лакоста и был закрыт в 1984 г. в связи с низким читатель-

ским спросом [Antonsich 1997]. Становление геополитических исследований в Италии проходило под сильным влиянием германской и французской школ геополитики. Вместе с тем российский учёный М.А. Шепелев обозначил следование принципам «антидетерминизма» как главной отличительной черты этой национальной школы [Шепелев 2017]. Важную роль в возрождении геополитики сыграл журнал *Limes. Rivista Italiana di Geopolitica* под редакцией Лучо Караччиоло, где её предназначение было сформулировано как раци-

---

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.11.2025

Дата принятия к публикации: 12.03.2026

Для связи с автором / *Corresponding author*:

Email: valermik@gmail.com

ональный, прагматичный и реалистичный подход к территориальной борьбе за власть и как способ выражения национальных интересов государств¹.

В этой линии развития особое место занимает журнал *Geopolitica*, основанный Тиберио Грациани в 2011 году. Доклады этого эксперта по международной тематике обсуждаются в комиссиях итальянского парламента, а на его комментарии часто ссылаются российские информационные агентства. Концептуальные ориентиры, значимые для понимания редакторского и авторского профиля журнала, можно увидеть в интерпретации Грациани веберовской метафоры о «железной клетке» применительно к политическим процессам и явлениям XXI века². В частности, искусственный интеллект создаёт «рациональное лицо железной клетки», придавая западным демократиям неототалитарные черты. Этот процесс можно обратить вспять при условии восстановления критического мышления и практик коллективного действия.

Анализ материалов *Geopolitica* позволяет расширить методологический инструментарий и найти новое практическое применение классических геополитических подходов в реалиях XXI века.

Журнал *Geopolitica* о границах и фронтах

Журнал *Geopolitica* выпускает тематические номера, позволяющие комплексно рассматривать фундаментальные вопросы мировой политики. В настоящей статье анализируются публикации за 2025 год, объединённые темой «Границы и фронтиры». В геополитике, международном праве и отношениях». Выпуск посвящён исследованию многогранности концепций, прослеживанию их исторической эволюции и изучению их актуальности и трансформа-

ции в академических исследованиях и практическом применении.

Методологический анализ

Задействованные исследователи исходят из концептуального различия между понятиями «граница» и «фронтир». Первое представляет собой видимое линейное разграничение, установленное политической властью и имеющее юридический характер, пересечение которого влечёт за собой изменение суверенного или административного режима на соответствующей территории. В отличие от границы, у фронта не существует институциональное измерение: он следует за движением культур, населения и религий. Несмотря на это различие, функции, выполняемые границами и фронтами, стали пересекаться [Chiara 2025: 56].

Методологический анализ опубликованных статей демонстрирует разнообразие использованного инструментария, отражённого в таблице 1.

При анализе этих материалов автор применял методы сравнительного анализа с целью выявления и описания инновационного потенциала содержащихся в статьях концепций. Опубликованные работы были сгруппированы в несколько взаимосвязанных тематических блоков.

Историческая эволюция границ и фронтиров

Концепцию границ и фронтиров в рамках стратегических доктрин можно проследить со времён Римской империи вплоть до её развития в трудах геополитических теоретиков XX века. Лимес как физическая и символическая граница играет центральную роль в территориальной экспансии, военной обороне и политической идеологии империи [Chiara 2025]. В трудах Ратцеля о территориальной экспансии, Хаусхофера о геополитическом пространстве и Мак-

¹ Ziruolo L. Appunti di Geopolitica. URL: <https://www.italia-liberazione.it/novecento/geopolitica.html> (accessed: 15.08.2025).

² Graziani T. La gabbia d'acciaio di Weber e il neo-totalitarismo liberaldemocratico // Arianna Editrice. 16.01.2025. URL: <https://www.benecomune.net/rivista/rubriche/pensieri/la-gabbia-dacciaio-di-weber-e-il-neo-totalitarismo-liberaldemocratico/> (accessed: 18.08.2025).

Таблица 1
Методологический анализ

Исследователи	Теоретико-методологические основания
Дж. Анзера, А. Масса	критическая геополитика, неогеография
А. Катания	геополитический анализ
Ф. Волакки, Ф. Келли, И. Кьяра	классическая геополитика
М. Чичеркиа	политико-правовой институционализм
П. Корнетти	геополитические теории
М. Дордони	геостратегический анализ
А. Джордано	экзогеография
С. Гулямов	кибермиротворчество, цифровой суверенитет
Дж. Луонго	управленческие теории в области безопасности окружающей среды
К. Массальски	количественные методы в международных отношениях
З. Х. Мехмуд	морское право
Дж. Пастори	исторический институционализм
Ф. Анжелетти	постколониальные теории
Дж. Джосафатто, Дж. Д'Урсо	этические и нормативные правовые теории
М. Дженнатъемпо	семантический контент-анализ
А. Коссу	социальный конструктивизм
М. Энтин, Е. Энтина	теории <i>Realpolitik</i>
Л. Де Арруда Дзанани	исторический анализ
А. Комлоси	историческая социология
Дж. Ланцара	философский анализ
Ф. Мини	критическая геополитика
Дж. Ромео	геополитика многополюсного мира

Источник: составлено автором.

киндера о стратегической географии подчёркивалась центральная роль границ в формировании динамики власти и глобальных стратегий. Со времён Римской империи до XX в. граница и фронтир понимались не только как физическое разграничение, но и как динамичная стратегическая сущность, влияющая на международные отношения, безопасность и расширение государств. В Римской империи концепция границы была тесно связана с расширением и обороной территории, хотя изначально римские границы казались нечётко определёнными и связанными главным образом с политическим влиянием государств-клиен-

тов. Постепенно сформировалась более оборонительная концепция границ, о чём свидетельствует, например, стена Адриана. С наступлением Нового времени и появлением концепции национального государства границы стали ключевыми элементами определения суверенитета.

В рамках исторической типологии пространственных границ выделяются элементарные границы проживания людей, неопределённые границы территорий господства через пограничные зоны, военные границы, а также линейные границы государственных и колониальных территорий [Komlosy 2025]. К этому добавляются гра-

ницы внутри политических образований, которые определяют отношения между местной и центральной властью, а также границы союзов между политическими образованиями за пределами государственных границ. Эти пространственные границы по-разному взаимодействуют с разделительными линиями, основанными на социальных и экономических различиях. С возникновением современного государства социальные, экономические и культурные границы включаются в политические границы. В то же время в результате глобализационных процессов правила участия в мировой торговле и глобальных цепочках поставок действуют исключительно в интересах транснациональных организаций, подавляя местные рынки и производство. Полицентричный мировой порядок мог бы открыть возможности для протекционистского и эгоцентричного развития малых и средних государств. Это подразумевает проведение самостоятельной политики по определению и охране границ.

Вместе с тем классическая геополитика остаётся актуальной и в реалиях XXI века [Kelly 2025]. Большинство границ стали менее подвержены изменениям, что отражает растущую силу принципов международного права. В то же время суверенитет стран подвергается эрозии, и, как следствие, их границы становятся более проницаемыми из-за роста торговли, инвестиций и трансграничных перемещений. В качестве примера можно привести «шкалу Гуттмана», в соответствии с которой голо-сование стран Латинской Америки ранжировалось по инициативам США в ООН. Чем ближе страны были расположены географически к Соединённым Штатам, тем более благоприятными были результаты голосования в пользу Вашингтона.

Проницаемость фронтиров и мобильность границ в постглобальном мире позволяют по-новому увидеть соотношение территориальности и суверенитета. На фоне параллельных процессов глобализации и регионализации фронтير всё чаще выступает не как линия разграничения, а как пространство взаимодействия, что отража-

ет трансформацию представлений о суверенитете и независимости [Romeo 2025]. За пределами формально закреплённых границ усиливаются транснациональные и наднациональные практики сотрудничества, что требует пересмотра традиционных представлений о правах верховной власти (*jus imperii*). В этой логике фронтир описывается как подвижное, «текучее» пространство, способное расширяться и сужаться, постепенно сокращая культурные, экономические и политические расстояния. Новые асимметрии в таких зонах связываются с ростом глобальной взаимосвязанности и технополярности, закрепляющей технологическую иерархию. Вследствие этого привычная политическая география государств постепенно уступает место *функциональной* географии сетей, потоков и режимов взаимодействия. В предельном выражении эволюция безграничных отношений может привести к *аполярной* конфигурации международных отношений.

Устойчивость и трансформация физических границ

Особый случай связан с функционированием границы между Марокко и Испанией, разделяющей контрастные пространства в социально-экономическом, культурном и религиозном отношениях. Автономный город Сеута оспаривается Марокко, но межгосударственные отношения описываются как режим «избирательно проницаемой границы». [Catania 2025]. Геополитические и экономические интересы двух стран способствуют сохранению текущего статус-кво асимметричного пограничного режима, сопровождаемого чередующимися кризисами, в ходе которых миграция используется как инструмент для продвижения национальных целей. Испанская сторона усиливает контроль за миграционными потоками, но одновременно сохраняется экономическая заинтересованность в определённых видах миграции. Граница между США и Мексикой аналогичным образом является источником «переплетения национальных идентичностей в обеих странах» [Cossu 2025].

В то же время линия Дюранда, разделяющая Афганистан и Пакистан, демонстрирует, как искусственные решения о границах колониальной эпохи продолжают создавать нестабильность и порождают конфликты между государствами [Pastori 2025]. Афгано-пакистанская граница была установлена в 1893 г. для разграничения британских владений на северо-западе Индии и территорий кабульского эмира Абдур Рахман-хана (1880–1901). Проходя через традиционные районы расселения различных пуштунских племён, она с самого начала является источником острых споров. В результате даже общая заинтересованность в содействии развитию региональной инфраструктуры и связей с международными рынками оказывается недостаточной для гарантии стабильности.

Критические и философские подходы к границам

Граница и фронтир не сводятся лишь к их физическому воплощению. Центральным становится не столько вопрос «где проходит граница», сколько вопрос «какие нарративы делают её легитимной» и «какие формы исключения или включения она запускает».

Деконструкция оппозиции «варварство против цивилизации» на материале миграции позволяет увидеть, как моральные схемы подменяют политический анализ и превращаются в инструмент мобилизации внутри Европейского союза [Mini 2025]. Слабость общеевропейской политики объясняется не дефицитом институтов как таковых, а несовместимостью национальных амбиций, ментальных барьеров и эгоистических интересов некоторых государств-членов. Антиевропейские настроения заложены в самой природе ЕС, примером чего служит выход Великобритании из интеграционного блока. Центробежные тенденции заложены в разных типах несовместимых идентичностей в ЕС. Горизонт будущего здесь мыслится как риск возвращения более жёстких и высоких барьеров, чем те, что Европейский союз стремился преодолеть.

Одновременно границы предлагается мыслить «за горизонтом» как проблему пределов в ситуации, когда сама территория перестаёт быть самодостаточной рамкой политики и безопасности [Lanzara 2025]. Территориальная безопасность представляется неустойчивой, если нет постоянного контроля с целью предотвращения глобальных угроз. При этом территория становится глобальным пространством, лишь поделённым политической властью. Технологическая интеграция и глобализация меняют характер войны: она всё меньше привязана к протяжённым линиям фронта и всё больше разворачивается в пространствах сетей, инфраструктуры, информации и удалённых средств воздействия. Это размывает различие между военными и невоенными действиями, выводит политическое соперничество за пределы национальных юрисдикций и ослабляет классическую функцию границы как «оборонительного контура» суверенного государства

Наконец, различение границы и фронта переводит дискуссию в плоскость идентичности и культурной памяти [Cicerchia 2025]. Фронтир представляет собой символическое пространство истории и самоописания сообщества, тогда как граница — географическая и институциональная зона, которая одновременно разделяет и связывает. Право отстаивать собственное пространство и идентичность делает фронтир не только рубежом исключения, но и местом встречи, обмена и кооперации. Жёсткая фиксация национальной идентичности ведёт к самоизоляции и повышает вероятность этноконфессиональной конфликтности [Cicerchia 2025: 87]. Между тем при нормативном идеале «пространства без границ» фронтиры не исчезают: давление нелегальной миграции и конфликты на периферии Европы показывают устойчивость личных и коллективных различий. Преодоление границы мыслится как интеграция через взаимное обучение и симметричный обмен. Подобная модель позволяет сохранять разнообразие идентичностей без их превращения во враждебные барьеры.

Региональная геополитика и полицентричность

Границы всё чаще функционируют не как фиксированные линии, а как элементы более широких конфигураций влияния, связности и безопасности.

На смену классической картине территориального разграничения приходит логика «стратегической глубины», где инфраструктура, транспортно-логистические коридоры, энергетические и технологические цепочки задают подвижные контуры региональных порядков [Entin, Entina 2025]. Великие и региональные державы конкурируют за расширение *стратегической глубины* как главного ресурса ускоренного социально-экономического развития, обеспечения всеобъемлющей безопасности и проведения экспансионистской внешней политики. В российско-китайском взаимодействии эта логика особенно наглядна. В двусторонних отношениях решающее значение приобретают не столько количественные показатели, сколько надёжность связей, устойчивость каналов обмена и совпадение интересов в отношении переустройства международной среды. Показательно, что стратегическая глубина обнаруживается не только в военном измерении, но и как совокупность взаимосвязанных компонентов³, которые конвертируются в политическое влияние.

Схожая динамика прослеживается в расширенном Средиземноморье, которое всё больше выступает как фронтир между Западом и «глобальным Югом» [Cornetti 2025]. На севере находятся Европейский союз и государства, зависящие от американской модели глобальной гегемонии, на юге расположены страны, стремящиеся стать более значимыми в полицентричном мире. Не случайно одна из войн, угрожающих гегемонизму США, разворачивается на Ближнем Востоке, и главным действующим лицом которой является Израиль — единственная держава в регионе, заинтересованная в сохранении статус-кво. Средиземноморье при этом не сводится к пас-

сивному разделителю консервативных и ревизионистских субъектов, но выступает и стратегическим пространством, которое разные державы используют для достижения собственных интересов. Оно одновременно служит торговым узлом, военным театром и инструментом проекции силы, где ставки задаются борьбой за гегемонию как гарантии выживания.

Трансграничные отношения Ирана и Ирака демонстрируют, как одна и та же граница может быть одновременно каналом взаимозависимости и источником хронической напряжённости [Massalsky 2025]. Протяжённость линии разграничения (более 1600 км), наличие девяти официальных пунктов пересечения границы и близость к религиозным объектам, критически важным для шиитского населения, превращают пограничье в жизненно значимое культурно-религиозное связующее звено и в инфраструктуру экономического сотрудничества. Вместе с тем эта граница остаётся источником напряжённости в том числе из-за территориального спора о водном пути Шатт-эль-Араб, присутствия иранских курдских сепаратистских группировок в Иракском Курдистане и контрабанды. Тем не менее пограничный режим эволюционирует в сторону большей взаимозависимости при сохранении высоких транзакционных издержек безопасности.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе границы и фронтиры выявляются как производные отношений с более могущественными соседями, когда пространственные режимы контроля, символическая политика и вопросы статуса переплетаются с историей и постколониальным наследием. Характерными примерами в этом случае выступают Тибет и Новая Каледония [Valacchi 2025; Angeletti 2025]. Дополнительный слой региональной конкуренции обнаруживается и на уровне дискурса. Анализ выступлений председателя КНР Си Цзиньпина относительно инициативы «Пояс и Путь» [Gennatiempo 2025] позволил выявить геополитическую составля-

³ Транспортной, логистической, энергетической, продовольственной, технологической.

ующую семантических различий в названиях «Азиатско-Тихоокеанский регион» и «Индо-Тихоокеанский регион» как проявление регионального соперничества между Китаем и США.

Переосмысление границ киберпространства и информации

Формирование неогеографии как результат воздействия коммерческих цифровых платформ способствует переосмыслению пространственного представления. Цифровые платформы в картографии применяются в качестве проявления «мягкой силы», следствием которой является воздействие информационных инструментов (карт) на общество и политические элиты. В качестве примера можно привести использование платформенных моделей (платформизации) при оценке миграционных потоков, пандемий и военных конфликтов [Anzera, Massa 2025].

Осуществление кибермиротворчества в информационной среде, в свою очередь, осложняется технической сложностью, правовой неопределённостью и конфликтами на национальном уровне [Gulyamov 2025]. Цифровая среда не является обособленным пространством, поэтому атаки могут осуществляться с использованием её инструментов и инфраструктуры, что создаёт ряд препятствий. Тем самым становится особенно заметной значимость инновационных методов борьбы с киберпреступностью, таких как использование цифровых двойников, квантовое распределение ключей и автономная кибербезопасность. Эти технологии открывают возможности для защиты цифрового пространства и противодействия постоянно меняющимся киберугрозам. Кибердипломатия и совместная кибербезопасность могут стать важными элементами мирового порядка.

Влияние новых морских технологий, таких как системы морского наблюдения, автономные суда и подводная инфраструктура переформатирует морские границы и геополитический фронт в Индо-Тихоокеанском регионе [Mehmood 2025]. Эти технологии расширяют существующие воз-

можности картографирования и оценки ресурсов, позволяя государствам использовать и защищать свои морские границы. Их растущая роль усиливает влияние государств, меняет юридическое толкование морских границ и поднимает вопросы об адекватности существующих международно-правовых режимов. В качестве примеров можно упомянуть территориальные споры в акватории Индийского океана и Южно-Китайского моря. Накопление всё большего объёма информации о неизведанных областях морей и океанов, а также открытие новых океанических экосистем могут иметь глубокие геополитические и экономические последствия

Новые и нетрадиционные границы и фронтиры

Граница всё чаще задаётся технологией, правовой неопределённостью, экологическими ограничениями и символическими конструкциями идентичности. В этом ракурсе и фронт перестает совпадать с географией суши и моря, проявляясь там, где меняются режимы доступа, контроля и легитимации, то есть от околоземного пространства до арктических ресурсных зон и трансграничных экосистем.

Сдвиг к «верхней границе» как к новому типу геополитического порога демонстрирует концепт экзогеографии (орбитальной географии), предложенный Альфонсо Джордано [Giordano 2025]. Экзогеография обосновывается как теоретическая и практическая рамка для интерпретации пространственных, правовых и геополитических преобразований, связанных с выходом человеческой деятельности за пределы Земли. Этот концепт предоставляет важные инструменты для понимания новых пространственных практик, моделей управления и геополитической динамики в околоземном космическом пространстве. «Верхняя граница» представляет собой не метрическую отметку и не нейтральный технический рубеж, а активно оспариваемую зону, в которой сходятся правовые неопределённости, технологические возможности, проблемы безопасно-

сти и коммерческие интересы. Отсюда её статус юридической «серой зоны» и одновременно пространства, где заново ставятся вопросы суверенитета, территориальности и управления. Такой подход воплощает переход от глобальной к планетарной геополитике и представляет инструментарий для анализа стратегий и конфликтов, возникающих непосредственно за пределами атмосферы. Нормативное измерение космического фронта усиливается обращением к идеям папской энциклики *Pacem in Terris* (1963) при разработке правовых и этических принципов использования космического пространства [D'Urso 2025].

Параллельно происходит переоценка устойчивости договоров и границ в земной политике. Объявленные президентом США Дональдом Трампом притязания на Гренландию можно рассматривать как проявление приоритета экономических и геостратегических интересов (часто оформляемых как вопросы национальной безопасности) над нормативными ограничителями [Dordoni 2025]. В результате в международных отношениях заметнее проявляются практики, ставящие под сомнение принципы, традиционно трактуемые как фундаментальные для международного права, такие как территориальный суверенитет и неприкосновенность границ [Dordoni 2025: 116].

Граница может обнаруживаться и за пределами высокой политики как рамка управления общими ресурсами и экосистемами. Экологический кризис Аральского моря выступает разновидностью «пограничного спора» и фрагментированного управления. Административная несогласованность, конкурирующие юрисдикции и отсутствие общей правовой базы способствовали деградации бассейна. Сохранение односторонних стратегий и трудности совместного управления водными ресурсами не только препятствовали восстановлению Аральского моря, но и усилили разногласия между государствами Центральной Азии, подпитывая политическую нестабильность и ограничивая перспективы развития региона [Luongo 2025].

В ещё одном измерении «нетрадиционные границы» проявляются как границы идентичности. Ирредентизм и символические фронтиры могут становиться объектом манипуляции ради стратегической выгоды [De Arruda Zanani 2025]. В качестве примера можно привести морально-этическую тему вовлечения германскими нацистами отдельных кавказских этнических групп в войну против СССР. Сложность мотивов и контекстов нередко редуцировались и нацистами, и союзниками Москвы.

***

Совокупность рассмотренных работ показывает, что границы и фронтиры следует понимать как многомерные и динамичные образования. Они меняются под воздействием социальных, культурных, экономических, природных и научно-технических сдвигов, всё чаще выступая не только как линии разграничения, но и как режимы взаимодействия. Их изучение имеет важное значение для понимания как текущих геополитических трансформаций, так и практик устойчивого развития, где решающую роль играют связность, доступ к ресурсам, инфраструктура и управление рисками.

Итальянская геополитическая традиция развивается на основе современного прочтения классической геополитики и привлечения методологического инструментария социальных и гуманитарных наук, а также цифровых технологий. В исследовательском поле одновременно присутствуют классическая и критическая геополитика, геостратегический анализ, неогеография и экзогография, количественные и цифровые подходы, политико-правовой институционализм, историко-социологические перспективы и нормативно-политические рамки. Геополитические исследования в Италии востребованы обществом и правящей элитой для понимания и выработки национальных политических и военных стратегий.

В анализируемом номере геополитика как исследовательский инструмент позволяет изучать новые пространственные

практики, модели управления и динамику в сухопутном, морском и околоземном пространствах. Появление экзогеографии показывает, что верхняя граница становится самостоятельным объектом политико-правового и стратегического осмысления, а новые пространственные объекты и режимы доступа не укладываются в традиционные географические категории. Перспективным оказывается и концепт стратегической глубины, позволяющий описывать сотрудничество и соперничество

через инфраструктурные, логистические, технологические и ресурсные связи, то есть через те контуры влияния, которые не совпадают с линиями на карте.

Усиливаются тенденции, ставящие под вопрос привычные трактовки территориального суверенитета и неприкосновенности границ. Границы и фронтиры одновременно маркируют право на пространство и выступают местом встречи, регулируемой проницаемости, обмена и трансграничного сотрудничества.

Список литературы

- Шепелев М.А.* Журнал «Геополитика» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 329. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338
- Angeletti F.* Fiamme in Nuova Caledonia: tra revanscismo post coloniale ed interferenze straniere // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 291–305.
- Antonsich M.* La geopolitica italiana nelle riviste “Geopolitica”, “Herodote/Italia (Erodoto)”, “Limes” // *Bollettino Della Società Geografica Italiana*. 1997. Vol. 12. No. 2. P. 411–418. <https://doi.org/10.36253/bsgi-6743>
- Anzera G., Massa A.* Disegnare i confini digitali. Le mappe tra piattaformaizzazione, neogeografia e rappresentazione geopolitica. Drawing Digital Borders: Maps Between Platformization, Neogeography, and Geopolitical Representation // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 7–29.
- Catania A.* Un confine selettivamente permeabile: il caso di Ceuta // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 31–54.
- Chiara I.M.* Il confine e la frontiera nell’Impero Romano e nell’età moderna // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 55–65.
- Cicerchia M.* Tracciati per essere superati: uno spazio senza frontier // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 67–90.
- Cornetti P.* Frontiera Mediterraneo: tra mondo unipolare e multipolare // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 91–105.
- Cossu A.* Geopolitical Implications of the US-Mexico Border // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 387–407.
- De Arruda Zanani L.* The Tragic Alliance: Circassian Irredentism and Third Reich // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 327–355.
- Dordani M.* Il Caso Groenlandia: La “Nuova” Frontiera dell’Artico // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 107–117.
- D’Urso G., Giosafatto G.* Peaceful use of space. Lessons learned from the Encyclical “Pacem in Terris” // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 307–326.
- Entin M.L., Entina E.G.* Potential and reality of strategic depth in relations between Russia and China under modern conditions // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 409–462.
- Gennatiempo M.* Verso quale verso? La sostenibile leggerezza della Belt and Road Initiative // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 357–385.
- Giordano A.* Orbital Thresholds: Exogeography and the Evolving Geopolitics of the High Boundary // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 119–142.
- Gulyamov S.S.* Cyber Peacekeeping in the Context of Global Cybersecurity and Digital Sovereignty: A Philosophical, Legal, and Theoretical Analysis // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 143–175.
- Kelly P.* The Geopolitics of Borders and Frontiers with Examples of Their Relevance to International Relations // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 463–488.
- Komlosy A.* Ordinamenti territoriali e politica delle frontiere in retrospettiva e prospettiva storica // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 489–508.
- Lanzara G.* Limiti, confini, frontiere: il coraggio di spostare oltre l’orizzonte la visuale e la conoscenza // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 509–526.
- Luongo G.* Le contese di confine nella gestione della crisi del Mare d’Aral // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 177–189.

- Massalsky C.* Iran-Iraq Relations: Exploring Cross-Border Dynamics // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 191–227.
- Mehmood Z.H.* The role of emerging maritime technologies in redefining geopolitical frontiers in the Indo-Pacific // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 229–246.
- Mini F.* Confini // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 527–560.
- Pastori G.* La linea Durand: un confine fragile nel cuore dell'Asia // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 247–273.
- Romeo G.* Permeabilità delle frontiere e mobilità dei confine. Storia di una prospettiva multipolare in un mondo post-globale // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 561–591.
- Valacchi F.* Tibet: da “terra delle nevi” a terra di confine. L'evoluzione di un concetto attraverso l'esplorazione geografica e la geopolitica // *Geopolitica*. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 275–290.

GEOPOLITICA ON BORDERS AND FRONTIERS

VALERIY MIKHAYLENKO

Ural Federal University, Yekaterinburg, 620075, Russia

Abstract

An analysis of *Geopolitica*'s publications devoted to borders and frontiers makes it possible to assess the current state of geopolitical research in Italy, its relationship to classical geopolitics and other national schools, as well as the development of new concepts. The issue under consideration shows that contemporary Italian geopolitics builds on updated readings of classical ideas while actively drawing on the methodological toolbox of the social sciences and humanities. The theoretical and methodological repertoire mobilized in these studies spans classical and critical geopolitics, geostrategic analysis, neogeography and exogeography, quantitative and digital methods, politico-legal institutionalism, historical sociology, and normative political theory. The material also highlights the applied dimension of the field: geopolitical analysis remains in demand in debates over national political and military strategy. The traditional geopolitical problematique of borders and frontiers is reinterpreted in light of shifting spatial practices and governance regimes; in particular, digitalization reshapes spatial imaginaries and contributes to the emergence of neogeography as a distinct area of inquiry.

Keywords:

Journal *Geopolitica*; Tiberio Graziani; geopolitics; borders; frontiers

References

- Angeletti F. (2025). Fiamme in Nuova Caledonia: tra revanscismo post coloniale ed interferenze straniere. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 291–305.
- Antonsich M. (1997). La geopolitica italiana nelle riviste “Geopolitica”, “Herodote/Italia (Erodoto), “Limes”. *Bollettino Della Società Geografica Italiana*. Vol. 12. No. 2. P. 411–418. <https://doi.org/10.36253/bsgi-6743>
- Anzera G., Massa A. (2025). Disegnare i confini digitali. Le mappe tra piattaformaformizzazione, neogeografia e rappresentazione geopolitica. Drawing Digital Borders: Maps Between Platformization, Neogeography, and Geopolitical Representation. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 7–29.
- Catania A. (2025). Un confine selettivamente permeabile: il caso di Ceuta. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 31–54.
- Chiara I.M. (2025). Il confine e la frontiera nell'Impero Romano e nell'età moderna. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 55–65.
- Cicerchia M. (2025). Tracciati per essere superati: uno spazio senza frontier. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 67–90.

- Cornetti P. (2025). Frontiera Mediterraneo: tra mondo unipolare e multipolare. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 91–105.
- Cossu A. (2025). Geopolitical Implications of the US-Mexico Border. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 387–407.
- De Arruda Zanani L. (2025). The Tragic Alliance: Circassian Irredentism and Third Reich. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 327–355.
- Dordoni M. (2025). Il Caso Groenlandia: La “Nuova” Frontiera dell’Artico. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 107–117.
- D’Urso G., Giosafatto G. (2025). Peaceful use of space. Lessons learned from the Encyclical “Pacem in Terris”. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 307–326.
- Entin M.L., Entina E.G. (2025). Potential and reality of strategic depth in relations between Russia and China under modern conditions. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 409–462.
- Gennatiempo M. (2025). Verso quale verso? La sostenibile leggerezza della Belt and Road Initiative. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 357–385.
- Giordano A. (2025). Orbital Thresholds: Exogeography and the Evolving Geopolitics of the High Boundary. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 119–142.
- Gulyamov S.S. (2025). Cyber Peacekeeping in the Context of Global Cybersecurity and Digital Sovereignty: A Philosophical, Legal, and Theoretical Analysis. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 143–175.
- Kelly P. (2025). The Geopolitics of Borders and Frontiers with Examples of Their Relevance to International Relations. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 463–488.
- Komlosy A. (2025). Ordinamenti territoriali e politica delle frontiere in retrospettiva e prospettiva storica. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 489–508.
- Lanzara G. (2025). Limiti, confini, frontiere: il coraggio di spostare oltre l’orizzonte la visuale e la conoscenza. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 509–526.
- Luongo G. (2025). Le contese di confine nella gestione della crisi del Mare d’Aral. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 177–189.
- Massalsky C. (2025). Iran-Iraq Relations: Exploring Cross-Border Dynamics. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 191–227.
- Mehmood Z.H. (2025). The role of emerging maritime technologies in redefining geopolitical frontiers in the Indo-Pacific. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 229–246.
- Mini F. (2025). Confini. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 527–560.
- Pastori G. (2025). La linea Durand: un confine fragile nel cuore dell’Asia. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 247–273.
- Romeo G. (2025). Permeabilità delle frontiere e mobilità dei confini. Storia di una prospettiva multipolare in un mondo post-globale. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 561–591.
- Shepelev M.A. (2017). Zhurnal «Geopolitica» i stanovlenie italyanskoy geopoliticheskoy shkoly [The Journal “Geopolitica” and Formation of the Italian Geopolitical School]. *Vestnik RUDN. International Relations*. Vol. 17. No. 2. P. 325–338. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338
- Valacchi F. (2025). Tibet: da “terra delle nevi” a terra di confine. L’evoluzione di un concetto attraverso l’esplorazione geografica e la geopolitica. *Geopolitica*. Vol. 14. No. 1. P. 275–290.